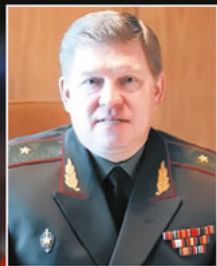

ВАЛЕРИЙ СЫСОЕВ

ГРУППОВАЯ ГОНКА

Записки
генерала КГБ

Валерий Сергеевич Сысоев

Групповая гонка.

Записки генерала КГБ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26111540

Валерий Сергеевич Сысоев. Групповая гонка. Записки генерала КГБ:

Человек; Москва; 2017

ISBN 978-5-906132-10-9

Аннотация

Книга воспоминаний известного деятеля российского и международного спорта, много лет возглавлявшего Международную федерацию велосипедного спорта, Всесоюзное общество «Динамо», занимавшего крупные посты в отечественном спорте. В этой книге читатель найдет много интересных моментов, связанных с подготовкой Московской Олимпиады 1980 года, другими крупными международными спортивными соревнованиями, встретится с известными спортсменами и организаторами спорта.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Семья	9
Глава 2. Армия	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валерий Сергеевич Сысоев
Групповая гонка.
Записки генерала КГБ

© Сысоев В. С., текст, 2017

© Издательство «Человек», 2017

Пролог

...По восточному гороскопу я – лошадь. Приучен пахать и тащить все на себе – на роду, видимо, написано. Наверное, поэтому так прикипел к велосипедному спорту, в антураже которого прошла почти все моя жизнь.

Когда люди видят велосипедные пелотоны на таких гонках, как Тур-де-Франс, или Джиро д'Италия, далеко не все из них отдают себе отчет в том, насколько это титаническая, адова работа. Попробуйте представить: двадцать один день в среднем по 180 километров в сутки, постоянно в пыли, в грязи, в холоде, под дождем, с ободранными в кровь ногами... Слабаки там не выживают. Ты можешь не добиться многого, как спортсмен, но определенные качества, помогающие выстаивать в самых непростых жизненных ситуациях, велоспорт прививает на всю оставшуюся жизнь.

Внешне велосипедная гонка иногда выглядит примитивно: пилят люди по шоссе или по треку – и пилят. Одни уехали вперед, потом их нагнали другие. Но обязательно случается развязка. Для того, чтобы не проиграть, не упустить момент атаки, а главное – успешно ее завершить, ты должен очень четко контролировать весь ход гонки, то есть постоянно и очень напряженно думать.

Велосипедная гонка – это еще и умение жертвовать собой ради общего дела. Когда на Олимпиаде в Лондоне в 2012

групповую гонку выиграл Александр Винокуров, некоторые пытались подвергнуть сомнению его победу – мол, он же не сам по себе выиграл? Кто-то его «раскатывал», помогал по ходу дистанции. Это чисто дилетантский взгляд. Выиграть групповую гонку без помощи команды или без помощи друга невозможно. Тебя обязательно кто-то должен «раскатить». А иногда – прикрыть от соперников, сдержать их.

Казалось бы, должно быть ужасно обидно: ты «раскатил» человека, отправил его вперед, к победе, а сам навсегда остался в тени, потому что ты – грегари, чернорабочий. Но это закон групповой гонки. На лидера всегда кто-то работает – так предполагает сама тактика ведения гонки. Твой лидер проколол колесо – значит, останься с ним, дождись помощи, помоги нагнать группу. Это воспитывает в людях определенное чувство коллективизма, товарищества, понимания своей роли в общей победе.

Велосипед – это еще и любовь на всю жизнь.

Помню, как во время одной из гонок Тур-де-Франс я посадил в машину сопровождения бывшего ректора МАИ Юрия Алексеевича Рыжова. Когда-то сам он был мастером спорта по велосипедным гонкам, а тогда работал послом России во Франции и был очень серьезным и знающим политиком – Борис Ельцин даже предлагал ему в свое время возглавить правительство.

Он радовался, сидя в той машине, как ребенок. Не мог скрыть ликования от того, что так близко, на расстоянии

вытянутой руки увидел главную гонку мира. Гонку, которой до этого имел возможность любоваться только со стороны. И когда много лет спустя мы привезли Тур-де-Франс в Москву, Юрий Алексеевич сумел выбрать время, чтобы ненадолго приехать из Парижа. Даже фотография с тех времен совместная сохранилась: Рыжов, я, президент ОКР Виталий Смирнов и мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков.

Или взять здравствующего по сей день питерского гонщика Виктора Романова, который в 1960 году был призером Олимпийских игр в Риме в командной гонке. Свою послеспортивную карьеру он заканчивал ректором института текстильной и легкой промышленности, в котором учился Алексей Косыгин, входил в Союз ректоров России, то есть стал выдающимся ученым. И нет таких соревнований, которые проводились бы в Питере и которые Романов не посещал бы. Всегда активный, деятельный, всем интересующийся. Возможно, как раз велосипедный спорт дал ему и физическую закалку, и возможность долго жить активной жизнью.

Мне доводилось встречать людей, которые, напротив как бы стеснялись своего велосипедного прошлого. Один из них – бывший главный редактор газеты «Известия» Иван Лаптев. В юности он был неоднократным чемпионом страны в гонках за лидером на большом пятисотметровом треке. Я хорошо его знал и по спортивным временам, и по его работе в одной из палат Верховного совета, и когда мы пересекались на

каких-то мероприятиях по депутатской линии, всегда терзал его вопросами:

– Иван Дмитриевич, объясните мне, пожалуйста, почему вы редко упоминаете об этом факте биографии, почему стесняетесь? Вы же – профессионал, сделали великолепную карьеру, состоялись во всех отношениях.

Ответа я так и не получил. Видимо, такая реакция была продиктована средой. Для многих людей из политических и научных сфер «спортсмены» по определению были персонажами второго сорта.

Если говорить о своей жизни велосипедным языком – это та самая групповая гонка, с рассказа о которой я начал, и которая длится вот уже восьмой десяток лет. Я благодарен всем, кто был со мной эти годы, кто «раскатывал» меня, выводя на цель, помогал переживать сложные ситуации, и радовался моим победам. Мне повезло: таких людей в моей жизни было немало.

Им эта книга и посвящается.

Глава 1. Семья

Маме

*Не суди ни за что меня строго,
Я прошу Тебя, не суди.
Так трудна и крута дорога,
По которой мне дальше идти,*

*Я давно уже верст не считаю,
Вдоль которых по жизни иду,
Каждый день о Тебе вспоминаю
И на плечи ладони кладу...*

Семья наша была не то, чтобы бедная, но и не слишком зажиточная. Состояла она из мамы, бабушки и дедушки. Жили мы не в Москве – в Кунцево, тогда это считалось областью. Поэтому в моем паспорте местом рождения официально значилось: Московская область, город Кунцево, Ворошиловский парк. Прямо возле парка – неподалеку от дворца Нарышкиных, стояли бараки, где у бабушки и дедушки была комната и кухня с маленькой терассой. Потом отчим пристроил к бараку еще одну комнатку с терассой – там мы и жили.

Мама моя, Серафима Сергеевна, тоже родилась в Кунцево, была участницей финской войны, радисткой, но после на-

чала Великой отечественной ушла с фронта из-за беременности – я родился 1 июня 1942 года. Отца никогда не знал – меня воспитал отчим Александр Григорьевич. Сам он деревенский, родом из Калужской области. Прошел войну, закончив ее сержантом, но в армии не остался – пересел с танка на грузовик и работал водителем – ездил по Московской области и развозил продукты.

Моя мальчишеская жизнь, как и жизнь всех окрестных мальчишек, так или иначе крутилась вокруг ближайшей деревни Мазилово. Название было очень смысловым: исторически деревня существовала с 17-го века, и по преданиям все телеги, которые с западных деревень везли сельскохозяйственную продукцию в Москву к царскому двору, в обязательном порядке делали в этом месте остановку и мазали колеса дегтем, чтобы те не скрипели на московских улицах. Так и родилось название.

Летом деревня была основным очагом нашей, так сказать, сельскохозяйственной культуры – на полях начинался урожай: картошка, капуста, огурцы, помидоры. Напротив в Мневниках были поля с клубникой, на которые мы совершали налеты по ночам, переплывая Москву-реку с мешочками через плечо. Наедались от пуза, набирали в мешочки ягод и так же вплавь возвращались обратно.

Еще рядом был Мазиловский пруд, возле которого располагалось еще одно историческое место, там делали всевозможные заготовки для Москвы: квасили помидоры, капусту,

солили огурцы. В землю были закопаны громадные деревянные бочки, которые охлаждались многочисленными подземными родниками. Когда наступало время развозить продукцию, к пруду начинали съезжаться грузовики, груженные деревянными бочками меньшего размера, их наполняли, и оттуда они отправлялись по магазинам.

В Ворошиловском парке у нашей семьи имелся крошечный приусадебный участок размером в три грядки, где бабушка сажала огурцы, помидоры, какую-то зелень. Кроме этого в сарае держали кур и поросенка, которого дед сам откармливал и сам резал – на Пасху. Часть свиньи шла на продажу, а часть оставалась дома – на праздничный стол.

Всевозможной родни у нас с маминой стороны было много: «Борисовский» клан только по Московской области насчитывал полторы сотни человек. По большим православным и государственным праздникам было принято собираться у кого-то дома, и сборища эти были немаленькими, по несколько десятков гостей. Сейчас из того клана осталось всего два человека – моя сестра Наташа и ее дочь – Лена.

Бабушка была большой кулинаркой. На Пасху она запекала окорок в печке на дровах, пекла потрясающие пироги, делала домашнюю колбасу, для которой дед ухитрялся где-то доставать конину, в общем, этого праздника с нетерпением ждали все.

Семья постоянно и как бы исподволь приучала к труду. И мать, и отчим, и дед работали очень много. Когда растешь

в такой обстановке, очень быстро начинаешь понимать, что жизнь – это не бесплатная вещь, особенно в те послевоенные годы. Мы не были приучены к излишествам, меняли обувь по мере того, как росла нога, и никому даже не приходило в голову задумываться, что родители чего-то недодали. Если у меня и была по тем временам мечта, она, скорее, относилась к категории несбыточных. И называлась «велосипед».

В нашем дворе велосипедов было всего два, и чтобы сесть за руль, нужно было отстоять приличную очередь. И то счастливые обладатели этих машин доверяли их не всем. Понятное дело, что о собственном велосипеде мечтали все мальчишки и я в том числе: постоянно ныл дома на эту тему.

Однажды дед, продав на рынке очередного поросенка, дал часть денег моему отчиму – за то, что тот помогал добывать и доставлять корма. И отчим вернулся домой с велосипедом.

Сказать, что я был счастлив, значило бы не сказать ничего. Велосипед был таким красивым, зеленым, с хромированными деталями. Даже прикасаться к нему было священнодействием.

Понятно, что я немедленно помчался кататься в наш Ворошиловский парк, но не успел толком войти во вкус, как кто-то внезапно выскочил на тропинку, и я, пытаясь увернуться, на полном ходу врезался в дерево, полностью угробив переднее колесо с «вилкой».

Сильнее всего меня пугало то, что рано или поздно придется возвращаться домой. Я был абсолютно уверен, что

порка мне обеспечена, но не это было главным. Куда больше расстраивало понимание, что нового велосипеда у меня уже не будет никогда в жизни.

Видимо я выглядел столь несчастным, что дома меня даже не наказали. Но это была грандиозная трагедия. И продолжалась она до тех самых пор, пока отчим не поехал с моим велосипедом в какую-то мастерскую и все не выправил.

С этого велосипеда, как только стаивал снег, я не слезал. Привезти деду отруби для кур – велосипед. Съездить на речку искупаться – велосипед, в Рублевский лес за орехами или грибами – снова велосипед, в общем, помимо удовольствия, велосипед имел в семье еще и прикладное значение. Мне же просто безумно нравилось все, что было связано с велосипедным спортом. Нравилось смотреть на форму велосипедистов на тех снимках, что попадались в журналах, нравились различные модели машин. Став постарше я даже сам шил велосипедные шапочки, нанося на них специальной краской через трафарет разные эмблемы. В общем, в моей жизни появилась религия.

* * *

Сам двор у нас был очень многонациональным. В бараках жили мордва, евреи, греки, украинцы, татары... Я был в дворовой компании самым младшим – остальные мальчишки были на пять и более лет старше. Так у меня и дальше по

жизни пошло: чем бы ни занимался, вокруг всегда имелись более взрослые люди.

Та многонациональность, считаю, сыграла в моей жизни очень важную роль. В соседях у нас была женщина, она воспитывала троих детей, с младшим из которых – Аликом, у меня сложились очень хорошие дружеские отношения. Звали эту женщину тетя Маша Бомштейн. Ее муж дядя Гриша был инвалидом детства – одна рука у него была заметно короче другой, из-за чего на фронт он не попал. Но всю свою семью растил и поднимал именно он. Работал фотографом: ездил по ближним и дальним деревням Московской области, собирал по семьям фронтовиков фотографии тех, кто не вернулся с фронта и переводил их на фаянсовые тарелочки, чтобы таким образом сохранить память об ушедших. Этот нехитрый бизнес позволял дяде Грише не просто кормить семью, но и выводить детей «в люди».

Почему я запомнил тетю Машу, потому что в нашем дворе она сумела стать центром заботы и милосердия. Постоянно подкармливала всю детвору какими-то супами, шила из остатков сохранившихся лоскутков одежду, причем делала все это – совершенно бескорыстно. И как-то незаметно с ее подачи подобное отношение друг к другу в нашем дворе стали перенимать все. Помню, например, как зимой мы с мальчишками на целый день уходили кататься на коньках на «каустиковый» пруд – там стояли аэростаты, которые поднимали в воздух на каустике – заполняя их водородом.

Какой по тем временам мог быть завтрак? Кусок хлеба, вареное яйцо и чай. Ну, может еще макароны, которые остались с ужина. И это – на целый день. Проголодался – обледенелую варежку сосешь. Зато вечером, если кто-то из нас заходил не в свой, а в соседский дом, провожая приятеля, взрослые всегда сажали всех за стол и обязательно чем-то кормили, не разбираясь, свой ты ребенок, или соседский.

Такое семейно-дворовое воспитание исподволь вырабатывало какие-то очень правильные взгляды и стремления. Двор контролировал, формировал взгляды, учил жить в большом коллективе, и в целом это воспитание было правильным. Один из парней нашей компании стал впоследствии командиром подводной лодки, другой – летчиком, третий – тот самый Алик Бомштейн – пытался какое-то время пробиться в артисты, а когда не получилось, ушел в торговлю. Иначе говоря, все, кто вышел из нашего двора, остались в своей основной массе порядочными состоявшимися людьми. Ну а когда мы все были мальчишками, двор давал еще и психологическую защиту: чувство, что ты существуешь в некой общности, которая никогда не даст тебя в обиду и не бросит в беде.

Одним из объектов наших «продовольственных» коллективных набегов был «мичуринский» сад – экспериментальный сад Тимирязевской академии. Там за высоченным забором метра под три высотой проводились какие-то сельскохозяйственные эксперименты по выведению новых сортов

фруктовых деревьев. Мы наловчились ходить к этому забору с сачками, с которыми на Москва-реку ходили рыбаки. Такой сачок на длинной трубе был у каждого. Его нужно было подвести под яблоко и одновременно что есть сил ударить по ветке, чтобы яблоко упало.

Всем двором мы ходили в дом отдыха «Ударник», который тоже располагался неподалеку – смотреть кино. Летние кинотеатры были открытыми, поэтому кино мы смотрели, сидя на деревьях.

Двор – это еще и турники, устроенные на деревьях, первый стол для настольного тенниса, который смастерили взрослые, лыжи в зимних оврагах и коньки на замерзшем пруду. Вот в такой обстановке я рос до того, как пойти в школу.

Мало-помалу вокруг нас появлялось настоящее спортивное окружение: клуб ПВО начал получать в Кунцево дома для своих атлетов. В их числе были самые разные люди, в том числе и очень известные: тяжелоатлет Юрий Власов, который только начинал свою карьеру, боксер Анатолий Грейнер – многократный чемпион СССР в легкой категории. То, что под боком был спортклуб, да и сам климат тогдашнего общества непрерывно провоцировали всех нас на то, чтобы заниматься спортом. И вот это детство, проведенное большей частью во всевозможных активных занятиях, дало всем нам колоссальную спортивную прививку на всю жизнь.

Еще в моей жизни была гимнастика. Преподавал нам ее

старшина Федоренко – как раз в том клубе ПВО, который располагался в церкви на Филях. Там, собственно, было всего две спортивных секции – лыжная и гимнастическая, поэтому занимался я обоими видами сразу. Правда, просуществовал в гимнастике недолго. Во-первых, поздно начал заниматься – в шестом классе. Во-вторых, через год предстояло выпускаться из семилетки, поэтому приходилось сосредотачиваться уже не на спорте, а на учебе.

Школу я закончил с отличием и поступил в кунцевский радиомеханический техникум.

* * *

Не могу сказать, что мечтал в те времена о какой-то конкретной профессии. Скорее просто послушал маму. А она достаточно безапелляционно мне сказала: «Пойдешь учиться в радио-механический техникум».

Почему – это было понятно. Техникум существовал при заводе, который был режимным предприятием и назывался «Почтовый ящик-15». Понятное дело, что все выпускники, закончив учиться, автоматически шли туда работать.

От мамы в мое сознание навсегда вошла фраза: «Запомни, сынок: главная задача в жизни – научиться жить среди людей». Это стало для меня внутренней жизненной установкой на все последующие годы. После школы я в некотором роде был на распутье – в том числе и потому, что в семье

мамы и отчима появились общие дети Володя и Юра, которые стали моими сводными братьями, и тогда мама сказала мне еще одну важную вещь:

– Ты должен начинать думать о самостоятельной жизни. После техникума у тебя гарантированно будет хорошая зарплата, а дальше – сможешь строить жизнь как захочешь сам.

Высшего образования у мамы не было – только среднее. Не имелось даже возможности это образование получить: сначала была война, потом нужно было обеспечивать семью, поднимать меня, потом – еще двух детей. Тут уже не до интеллектуального роста. Мамина младшая сестра тетя Вера была в этом отношении куда более успешной: она окончила институт, работала ведущим инженером, потом была направлена на строительство зернохранилищ и элеваторов. Мамин брат дядя Костя, о котором я только слышал от родных, погиб под Сталинградом чуть позже моего рождения – я только через семьдесят лет после окончания войны нашел место его захоронения. Искал долго, очень трудно, копался во множестве архивов и совершенно случайно получил помощь в лице своего хорошего приятеля, бывшего мэра Волгограда Юрия Староватых: ему удалось выяснить, что местные поисковые отряды искали кого-то из той части, где воевал дядька, и нашли именно те архивы, в которых содержалась информация о погибших.

А вот найти своего родного отца я не пытался никогда. Почему? До сих пор не могу ответить на этот вопрос даже

самому себе. Спросить маму стеснялся, а сама она никогда не инициировала разговоры на эту тему.

Что-то об отце знала мамина сестра – моя тетка Вера, с которой мы были довольно близки по возрасту и общались на «ты». Уже когда мы выросли и стали совсем взрослыми, я спросил ее об этом напрямую. Вера в тот день не очень хорошо себя чувствовала и сказала: «Как-нибудь потом я тебе все расскажу». Но вскоре она ушла из жизни. Из родственников по маминой линии у меня оставалась только двоюродная тетка, с которой мы тоже приятельствовали, но она не владела никакой информацией на этот счет. Сказала только под моим напором, что какой-то мужчина до моего рождения у матери был – блондин. Куда делся? А бог его знает...

Я много раз говорил сам себе, что, наверное, должен начать поиски, что это, наверное, будет правильно, но не мог переступить через какой-то внутренний барьер. От родного отца мне досталась фамилия и отчество – Сергеевич. Так что в определенном смысле я безотцовщина. Просто по временам моего послевоенного детства без отцов росли очень многие. Это сейчас слово «безотцовщина» подразумевает некую ущербность воспитания. А тогда отсутствие в семье отца в большинстве случаев означало, что он был героем и героически погиб. Наверное, поэтому в обществе постоянно чувствовалась готовность как-то поддержать тех, кто растет в неполных семьях, позаботиться о них.

Когда я поступил в техникум, моя жизнь вошла в очень

активную фазу. С одной стороны, я уже прекрасно понимал, что вырос и должен на что-то существовать. Пока жил с родителями, у меня никогда не возникало чувства, что материально я чем-то обделен. Отчим был простым и не слишком образованным мужчиной, всегда относился ко мне очень тепло и душевно, никогда не кричал, не наказывал меня, был очень деликатен, причем деликатность эта не была показной. Скорее, напротив, свойственной не только отчиму, но и всей его родне.

Помню, в Москву приехал из Калуги родной брат отчима, и мама отправила меня с ним в Москву – посмотреть Мавзолей и Красную площадь. Трамвай тогда ходил только от Филей, до которых от наших барачных бараков нужно было довольно долго идти пешком. Была ранняя весна, грязь, разбитая дорога, по которой я бежал впереди, а дядя Миша шел по ней в валенках и тулупе и постоянно меня одергивал: «Сергеич, не спеши, не суетись, Сергеич».

Только позже, когда прошло уже много лет, и я повзрослел и обзавелся собственной семьей, до меня дошло, что дядя Миша тогда постоянно, через отчество, подчеркивал свое уважение к моему отцу. Подобную уважительность я потом часто встречал у мужиков деревенского происхождения. Словно в них исторически и генетически сохранилась какая-то очень правильная глубинная мудрость.

После того как у мамы с отчимом появились общие дети, я почему-то начал очень остро чувствовать необходимость

самостоятельной жизни. Не могу объяснить, откуда это чувство взялось: я не был в семье изгоем, никогда не задумывался, что братья мне только наполовину родные, мы жили достаточно крепкой семьей, но внутренне, тем не менее, постоянно присутствовал какой-то дискомфорт. Возможно, это просто было связано с психологическим и физиологическим взрослением, периодом, когда тебе кажется, что ты уже понимаешь жизнь, но при этом легко способен принять первый поцелуй за единственную и, разумеется, настоящую любовь. Я же реально считал себя взрослым, поскольку в 14 лет уже начал зарабатывать деньги: проводил каникулы, работая матросом-спасателем на водной станции Кунцево, подрабатывал на каких-то стройках. Возможно, это и стало косвенной причиной того, что повзрослел я действительно быстро. А может быть, мне просто повезло в том, что где бы ни оказывался, вокруг меня всегда были более взрослые люди, глядя на которых я непрерывно чему-то учился и за кем-то тянулся. Как это собственно было и в детстве в нашем дворе.

* * *

Распределение у нас в техникуме проводилось на четвертом курсе, еще до того, как заканчивалась сама учеба. Меня распределили в восьмой цех, где делали радиолокационные станции П-15-для наведения по низко летящей цели. Потом, когда меня призвали в армию, я даже три месяца служил на

такой станции. Но работая в цехе, я не то, чтобы мучался, но не чувствовал никакого удовольствия от этих занятий. Не было ни страсти, ни куража. Как собственно и при обучении в техникуме. У меня там хорошо шел сопромат, неплохо – математика. Все, что было связано с вакуумными приборами, не интересовало меня вообще. Чем дальше, тем отчетливее я понимал, что все это – вообще не мое. Спорт с периодическими выездами на сборы и соревнования увлекал куда сильнее. Тем более что со спортом был полный порядок: при заводе имелся собственный спортивный клуб, который назывался «Кунцево».

Система была проста: как только наступает зима, тебя освобождают от работы в цехе. Днем ты тренируешься, а ночью, допустим, выходишь заливать заводской каток, что считается той же самой работой. Приезжаешь с соревнований – со стороны работяг к тебе почет и уважение. Все интересуются, как выступил, болеют, поддерживают.

Учась в техникуме, я выступал во всех соревнованиях подряд. Однажды к нам на завод пришел работать Виктор Иванович Ильин, который был участником Олимпийских игр в Мельбурне в командной гонке на треке. Он собрал тогда троих пацанов и меня, и мы под его руководством ехали за заводской клуб командную стокилометровую гонку на первенство Московской области. На велосипед до этого я профессионально не садился, зимой выступал только в лыжных и конькобежных соревнованиях, но Ильин сказал: «Ты

же лыжник – ты наверняка сможешь!» Не выйти после таких слов на старт было бы совсем малодушным.

С Ильиным меня впоследствии жизнь свела самым причудливым образом: Андрей Захаров, который много лет спустя принимал у меня велосипедную всероссийскую федерацию, стал его зятем.

С горными лыжами была другая история. Однажды я заглянул в каморку нашего физрука Бориса Ивановича – бывшего отставника, какими были и многие другие учителя, преподававшие нам физкультуру и военную подготовку, и увидел у него мукачевские горные лыжи с железным кантом. В тот момент я думать обо всем забыл: ходил за физруком хвостом и клянчил: «Ну дайте хотя бы покататься!». Он отмахивался:

– Ты же голову сломаешь!

– Не сломаю!

– А на соревнования поедешь?

За одну только возможность постоять на таких лыжах я в тот момент был готов к черту на рога поехать и душу дьяволу продать. И когда получил их, чувствовал себя самым счастливым человеком в мире.

Серьезные занятия спортом с тех лыж, собственно, у меня и начались. Как раз в те времена в Крылатском открылась первая в стране секция по горным лыжам, которую возглавляли Владимир Иванович Афанасьев и Дмитрий Ефимович Ростовцев. У последнего я какое-то время тренировался и

даже ездил на тренировочные сборы в Бакуриани.

Учась в техникуме, я дошел до уровня кандидата в мастера спорта, был призером всесоюзных соревнований, Тот период жизни постоянно как бы уводил меня в другую жизнь. Сталкивал с новыми занятиями, с новыми людьми, давал возможность заглянуть за рамки обычной бытовой жизни. И мне это нравилось все больше и больше.

Много лет спустя я буду анализировать работу питерской школы легкой атлетики имени Виктора Алексеева и замечу интереснейшую вещь: большинство спортсменов Алексеева учились в технических, а не в физкультурных вузах. Видимо тренер в какой-то момент понял, что человеку с техническим образованием гораздо проще объяснить биомеханику того или иного движения. Не знаю, пришел ли Алексеев к этому интуитивно, или научным путем, но ведь это реально работало!

Возможно, и мне мое техническое образование позволяло конструировать в сознании какие-то вещи и давало возможность гораздо технологичнее подходить к решению тех или иных проблем. Когда я стал выезжать на серьезные тренировочные сборы в Бакуриани и Алма-Ату, круг знакомств тоже стал расширяться. У Афанасьева по тем временам была очень неплохая школа. В горных лыжах тогда выступала Женя Сидорова, которая была первым отечественным призером зимних Олимпийских игр – завоевала бронзу в 1956 году в Кортина д'Ампеццо. Жила вся ее семья в деревне Луж-

ники, расположенной прямо под трамплином. И для нас она конечно же была кумиром.

Там же жили наш известный горнолыжник и впоследствии тренер Виктор Тальянов, Таллий Монастырев, так что для меня было великим счастьем соприкоснуться с этими людьми. Неудивительно, что мир этот просто засосал меня в себя. После работы и по выходным я мчался на Ленгоры, возвращаясь домой чуть ли не ползком, из последних сил таща за собой лыжи. Но какое же это было удовольствие!

Но потом все это закончилось. Я ушел в армию...

Глава 2. Армия

Поступление в школу тренеров после окончания техникума представлялось мне абсолютно логичным шагом. Начав работать на заводе, я женился, вскоре на свет появился сын Борис, и уходить в армию мне по понятным причинам совершенно не хотелось. Это сейчас я постоянно втолковываю внуку и внучкам, что в жизни никогда не нужно никуда спешить, надо полностью проживать каждый момент, не прыгать через ступеньки. А тогда сам очертя голову бросился в семейные отношения, хотя мне было всего девятнадцать лет. К счастью нам удалось благополучно решить жилищный вопрос: как раз в то время стали сносить наши бараки в Кунцево и расселять семьи в отдельные квартиры. В результате наша большая семья получила сразу три квартиры: в одну въехали бабушка с дедушкой, в другую – мама со своей семьей, третья досталась мне.

В Москва тогда существовала организация, которая называлась «Седьмой райсовет «Динамо». К ней относилось все, что было связано в Москве с атомной промышленностью, то есть «Средмаш» – министерство среднего машиностроения. В истории нашей страны это была одна из крупнейших промышленных организаций.

В ведении «Средмаша» находился Курчатовский институт ядерных исследований, несколько научно-исследова-

тельских институтов, которые располагались в том же «атомном» блоке, в одном из этих институтов мне и предложили работу с вакуумными установками под руководством довольно известного по тем временам профессора Самойлова. Потом профессор стал членом-корреспондентом, академиком, а тогда мы бок о бок работали вместе и однажды даже нечаянно сломали какую-то вакуумную установку – что-то у нас с ней не получилось.

Учиться в школе тренеров, когда я туда поступил, мне, разумеется, было гораздо интереснее. Многие предметы нам преподавали те же самые специалисты, что в институте физкультуры. Спортивный массаж у нас вел легендарный Анатолий Бирюков и драл со студентов три шкуры, принимая зачеты. Преподаватели заставляли нас не просто войти в анатомичку и научиться разбираться в строении человеческого тела, но досконально погружали в основы физиологии, анатомии, спортивной психологии. То есть база для дальнейшей учебы, как и для работы в спорте, закладывалась уже там, и была более чем основательной.

Поэтому я постоянно думал о том, чтобы сменить место работы. И придумал: рядом с Курчатовским институтом располагался существующий по сей день институт биофизики Академии медицинских наук, который тоже входил в систему «Средмаша», и я перевелся туда на должность инструктора по спорту при профсоюзном комитете.

С этого момента, можно сказать, и началась моя профес-

сиональная работа в спорте.

* * *

Помимо должностных функций и собственных выступлений в соревнованиях, я вел в институте чисто практическую работу – за дополнительную зарплату руководил двумя спортивными секциями, поскольку рос сын, и нужно было как-то содержать семью. У меня с тех времен даже сохранилось удостоверение тренера-общественника, которое давало право официально заниматься тренерской деятельностью, не дожидаясь окончания школы тренеров.

Единственной проблемой была маячившая армия. Бронь, которая освобождала молодых специалистов от срочной службы, к тому времени с института уже сняли или собирались в скором времени снять, короче, я решил, что не стоит пытаться кого-то обманывать и играть с судьбой в прятки. А нужно пойти, отслужить и закрыть эту тему уже окончательно.

Служба в армии длилась тогда три года, но мои динамовцы меня успокоили. Пообещали, что обо всем договорятся, и я сразу после призыва попаду в штатную войсковую команду. Из военкомата к нам домой на проводы даже приезжал какой-то капитан, который то и дело повторял: мол, к чему прощаться и расстраиваться, если через неделю, максимум – через две я снова буду сидеть за этим же самым столом.

С таким настроением я и пришел на призывной пункт. Будущее казалось самым радужным, тем более что перед самым призывом я выполнил норматив мастера спорта в гонке на двадцать пять километров. Нас погрузили в вагон и куда-то повезли.

Ехали мы двое суток. Состав, как выяснилось, направлялся в Ростов-на-Дону, но это не было конечной точкой. В Ростове мы поменяли поезд и поехали дальше.

Конечным пунктом нашей поездки оказалась станция Крымская. Там в учебной роте я провел почти четыре месяца. Пытался звонить в Москву, но все контакты как обрезало. Ни ответа, ни привета.

Помог случай. Как-то меня вызвал к себе заместитель командира полка по хозяйственной части и пожаловался, что для ремонта казармы в части нет витого электрического провода.

– Может, у себя сумеешь достать? – спрашивает. – Ты же – москвич?

Я аж затрясся:

– Я вам луну с неба достану, только отпустите!

Мне быстро оформили все документы, дали пачку наличных денег и я поехал в Москву – искать провод, а заодно и попробовать прояснить свою дальнейшую судьбу. По линии комендатуры никого найти так и не смог, и уже в полном отчаянии обратился к своему горнолыжному тренеру – Дмитрию Ростовцеву.

В Ростове тогда базировался штаб Бакинского округа ПВО, а сам округ был огромным, захватывал даже Туркмению. Начальником физподготовки там был Гурген Шатворян – чемпион мира по греко-римской борьбе. Вот Дмитрий Ефимович и сказал: «Я, пожалуй, позвоню Жоре» – так в те времена Шатворяна называли его друзья.

Ответа из Москвы я ждал с большим нетерпением. Армия, служба, ночные дежурства – это же все впечатляет! Дедовщины, к счастью, у нас не было. Она проявлялась в каких-то мелочах – например, постоянных придирках старшины.

Армейский старшина почему-то всегда был с Украины. Вот и наш оказался таким же. Прекрасный служака, но очень любил воспитывать «салаг» – первогодков. Зайдет, допустим, в казарму, где только-только полы надраены, оглядится: «Грязно!» Ему возразишь – мол, полы сверкают, только вымыли, где ж тут грязь? А он сапог снимает и с нажимом резиновым каблуком по полу – так, что черная полоса появляется: «Вымыли, говорите?»

Смотришь на него в этот момент и мечтаешь только об одном: взять табуретку и дать ему с размаха, что есть сил...

Еще молодых гоняли за одеколоном. Пили по тем временам в армии исключительно «Тройной». Разбавляли его водой из-под крана и получалось мутное вонючее пойло. Редкая гадость. Один раз меня в армии просто заставили отхлебнуть за компанию со всеми, а вот вторая встреча с этим

удивительным напитком случилась много лет спустя. Я как-то был в командировке в Новосибирске, застрял в аэропорту и решил поехать в Красноярск поездом. Билет сумел купить только плацкартный, залез на верхнюю полку и заснул.

Под утро мне приснилась парикмахерская, причем ощущения были настолько острыми, что я невольно открыл глаза. И увидел дивную картину: мои соседи снизу – ими были, как выяснилось, бывшие зэки, которые ехали в Красноярск на поселение, разливают по стаканам тот самый напиток, запах которого мгновенно пробудил во мне все армейские воспоминания.

Для некоторых армия в те годы была не только испытанием, но и благом. В нашей роте был парень откуда-то из-под Новгорода, который мало того, что первый раз в жизни выехал за пределы своей деревни, но впервые за восемнадцать лет надел на себя новое белье. Ходил и просто светился счастьем от того, что на нем полное солдатское обмундирование. Я много с ним общался, расспрашивал про жизнь – интересно же. А жизнь была проста: встал в пять утра, молока из крынки выпил с краюхой хлеба и куском сала – и на трактор, поля пахать. Вечером вернулся, харю от грязи в тазу отмыл – и в деревенский клуб к девкам на танцы, часов до двух ночи. А в пять снова в поле. Вот и вся жизнь.

Поскольку от Шатворяна не было никакого ответа, я написал ему письмо. И через неделю в штаб части приходит указание: перевести рядового Сысоева в Баку в спортивную роту.

Думая о том периоде своей жизни, я не раз приходил к выводу, что мне фантастически повезло в жизни. Прежде всего в том, что свою собственную страну – Советский Союз – я объехал вдоль и поперек, включая самые дальние закоулки. Ни одна прочитанная книга не даст таких знаний, какие я получал, общаясь с людьми в Туркмении, на Дальнем Севере, на Камчатке. Проехал уйму закрытых городов. Все это стало огромной жизненной школой. И началась она – в Баку.

Мой поезд пришел в город поздно вечером, и я чуть было сразу не загремел в каталажку: поскольку не знал, куда идти, обратился прямо на вокзале к военному коменданту. А он тут же дал отмашку в комендатуру – она в Баку располагалась недалеко от вокзала – в крепости возле Девичьей башни. Меня немедленно задержали, но к счастью, комендант связался с кем-то из спортивной роты, и прямо среди ночи за мной приехал совершенно заспанный и недовольный старшина. И отвез в казарму.

Спортивная рота находилась в верхней точке города за телевизионной башней – там, где разбит бакинский ботаниче-

ский сад. Там я запоздало понял, что горных лыж в моей жизни скорее всего уже никогда не будет, но горевать по этому поводу уже не приходилось: началась моя активная армейская спортивная жизнь. Другая жизнь, которая продлилась два года и семь месяцев.

На тот период времени Баку был очень спортивным городом. Там базировались очень сильные, известные на всю страну спортивные клубы: волейбольный – «Нефтчи», ватерпольный – ККФ, был очень развит велосипедный спорт – в сборную СССР входили сразу несколько бакинских гонщиков. Руководство республики и города очень любило спорт и всячески его поддерживало.

А еще Баку был одним из самых интернациональных городов Кавказа – этим он очень походил на двор моего кунцевского детства. Кого там только не было: армяне, грузины, азербайджанцы, евреи... Там я увидел жизнь с совершенно иной стороны и, пожалуй, впервые очень отчетливо понял, что Москва – это не Советский Союз, а совершенно отдельное государство. Дело было даже не в национальном колорите. А в массе мелочей, из которых состоял иной уклад. Непривычный, непонятный и оттого – раздражающий массой деталей. Например, утренними песнопениями муэдзина, который чуть свет начинал голосить с минарета ближайшей мечети.

Нашим велосипедным тренером был Миша Цатурян. Когда он узнал о том, что я какое-то время успел поучиться в

школе тренеров, то попросил меня помимо своих собственных тренировок помогать ему в работе с молодежью. Я с радостью согласился – не столько потому, что мне была интересна тренерская работа, хотя занимался я ей с удовольствием, но еще и потому, что помощнику тренера полагался мотоцикл.

Ездили мы много. Сборы и выступления проводились в разных частях республики – в старой столице Шамахи, на юге – в Али-Байрамлы, в Гянжи, Каббале. Мало-помалу ко мне приходило понимание другой культуры. Много лет спустя я пойму, что причиной развала нашей огромной страны стал и тот факт, что мы в России и бывших республиках в какой-то момент перестали стремиться к тому, чтобы познать, понять и принять культуру друг друга. Стали пытаться навязать свои привычки и обычаи, встать как бы над всеми – и это было колоссальнейшей ошибкой. А тогда в Баку восточная культура виделась мне ничуть не менее богатой, чем российская, и очень интересной. Суп-харчо я впервые попробовал именно там, и, помню, когда попросил повара выбросить из супа траву, которая с непривычки показалась мне странной и невкусной, то услышал: «Это не трава, дорогой. Это – зелень».

Я привыкал есть много зелени, привыкал к тому, что голос муэдзина становится неотъемлемой составляющей моего жизненного сюжета, привыкал во время сборов питаться в чайханах, которые представляли собой еще один колос-

сальный срез тогдашней жизни – с традициями бесконечных чаепитий, аксакалами. Люди приходили в чайхану с самого утра, и, уходя вечером, оставляли там намного больше денег, чем можно было потратить в любом городском ресторане.

Для нас, велосипедистов, чайхана была во время сборов, пожалуй, единственным местом, где можно было нормально, хотя и без роскошеств поесть: колбаса, хлеб, сыр, чай, сахар. Иногда – яичница. Если повезет – мясо. От всего этого веяло такой древностью жизненного уклада и столь глубинной мудростью, что не проникнуться этим ощущением было совершенно невозможно.

Именно там я начал понимать, что совершенно бессмысленно пытаться каким-то образом нарушить устоявшиеся порядки, изменить матрицу, в соответствии с которой веками развивалась цивилизация на Востоке. Можно только проникнуться ее ценностями, найти собственную нишу, не беспокоя никого вокруг. Так рождалось понимание: как только ты попытаешься быть вне потока или тем более на кого-то давить, подстраивая реальность под себя, тут же возникнет протест. И вылиться он может в самые неожиданные формы.

В Али-Байрамлы (сейчас этот город называется Ширван) у нас были самые тяжелые сборы. Дорога туда из Баку лежала через саж-завод – предприятие, производившее сажу. Когда ветер дул с Каспия, вся эта черная жуть слоями ложилась на шоссе. Достаточно было проехать по дороге один раз, и отмыться становилось совершенно невозможно. Опускаешь

в тазик с водой руки – а рук через секунду уже не видно.

Плюс – совершенно невероятное, прожигающее насквозь солнце. Насквозь – в буквальном смысле этого слова. Когда мы после гонки шли в баню, на спинах у всех были выжжены номера – солнце прожигало их сквозь майки. На пляжах, хоть мы не так часто туда выбирались, местный народ сбегался смотреть на удивительный «велосипедный» загар – от середины плеча, там, где заканчивался рукав майки, и от кромки велосипедных шорт.

Я мучился сильнее других, поскольку был блондином. На сгибах рук кожа порой обгорала так сильно, что обнажалось мясо. Помню, одна бабушка подошла ко мне на пляже и спрашивает: «Сынок, отчего это руки у тебя такие?» А я ей отвечаю: мол, вместе с братьями целый день торгуем на солнце пивом – вот руки и обгорают, когда кружки клиентам из окошка протягиваешь. Как она над нами смеялась...

* * *

Команда тоже была многонациональной. В ней был еврей из Одессы, украинец – из Киева, латыш Харис Сазонов – из Риги, Томас Тыну из Эстонии, еще один гонщик из Западной Украины и я. Однажды поздним вечером мы всей компанией приехали в Али-Байрамлы и отправились искать чайханщика – чтобы он нас покормил. Нашли, он открыл чайхану, стал накрывать для нас стол, ставить какую-то еду.

С утра велосипедисты всегда берут с собой бачок с питьем. По тем временам это был сладкий чай с большим количеством сахара – вместо глюкозы. В Азии сахар не такой, как у нас – обычно он наколот мелкими кусочками и стоит на столе в специальной плошке. С одним таким кусочком гость иногда сидит весь вечер, обмакивая его в несладкий чай и смазывая язык.

Когда мы поели, расплатились, чайханщик, который все это время стоял у стены, уже явно был настроен на то, чтобы поскорее от нас отделаться и закрыть чайхану. В этот момент Харис Сазонов, наш рижский интеллигент, вставая из-за стола запустил в сахарницу руку, выгреб оттуда весь сахар и пересыпал его себе в карман галифе.

Глаза у чайханщика выкатились наружу и стали наливать кровью. Увидев это, я даже не понял, а скорее почувствовал, что сейчас случится что-то страшное. Вскочил и сквозь зубы говорю своим: «Уносим ноги. Немедленно!»

Сазонов так и не понял, что случилось. Всю дорогу недоумевал и переспрашивал:

– Мы ж заплатили, в чем дело?

Дело было вовсе не в цене сахара. А в том, что сахар, стоящий на чайном столе, для любого человека с Востока – священен. Как и сам обряд чаепития. Харис своим поступком сам того не желая оскорбил чайханщика до глубины души. Если бы он просто пришел на кухню и попросил сахара, чтобы приготовить сладкий чай в гонку – другое дело. Ему, уве-

рен, насыпали бы столько, сколько нужно и не взяли бы никаких денег.

Смылись мы из той чайханы очень вовремя. Вокруг чайханщика уже стала собираться толпа и, судя по звукам, которые неслись нам вслед, ничего хорошего ждать от этой толпы не приходилось.

Однажды всей командой нас отправили в Туркмению. Председатель местного спорткомитета попросил нас приехать к нему в республику для того, чтобы готовиться к Спартакиаде народов СССР совместно с туркменской командой – помочь таким образом подтянуть на более высокий уровень тамошних спортсменов. Мы сели на паром в Баку и отправились в Красноводск.

Это был еще один по-своему уникальный опыт. Что представлял собой паром Баку – Красноводск описать словами невозможно. Он отправлялся из Баку ночью, а входил в порт прибытия в четыре утра, потому что как только всходило солнце, оно начинало нещадно палить. Воды нет, но есть чайханщик. И на просьбу дать хоть немного воды, невозмутимо отвечает: «Воды нет, водка хочешь?»

Рядом с нами на том пароме оказалась пожилая женщина – мать потомственного офицера, семья которого всю жизнь прожила в тех краях, охраняя границу. Та женщина пригласила всех нас к себе в дом, чем-то наврное накормила, но я этого не помню. Запомнил только, как мы повалились прямо с порога на холодный тесаный пол, покрытый какими-то

льняными рогожками, и было так хорошо на нем лежать, что подниматься не хотелось вообще.

Потом мы все-таки выбрались на Каспий, искупались в заливе, в котором летом часами сидел весь город, и, провожая нас на вокзал, где мы должны были сесть на поезд и ехать в Ашхабад, хозяйка сказала:

– Я вам, сынки, совет хочу дать: когда в вагоне станут разносить чай, постарайтесь оказаться первыми.

Поезда в тех краях ходили – живописнее некуда. Отправлялись они ночью по той простой причине, что передвигаться по пустыне днем в железном вагоне было просто невозможно.

Местные аксакалы в своих халатах обычно почему-то не ездили в спальных вагонах – брали общий. Забирались на верхнюю полку, свешивая босые, невымытые ноги вниз, при себе у них всегда был опий – в пузырьке из-под пенициллина, и там же на полке они периодически читали вслух свои молитвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.